

Тао Хуайнань и его маленькое одеяльце излучали тепло, прикосновение к ним было мягким и приятным. Казалось, Тао Хуайнань впал в зависимость от заботы о Чи Ку, как маленький взрослый, он всё время похлопывал его, пока в конце концов сам не уснул, его горячая ладонка прижалась к Чи Ку, а вокруг разносился сладковатый молочный запах, исходивший от него.

Период высыпаний был слишком коротким, и прежде чем Тао Хуайнань успел вдоволь насладиться заботой о ком-то, маленькие красные точки на теле Чи Ку уже начали постепенно исчезать.

Услышав об этом, Тао Хуайнань очень обрадовался и сказал:

— Как здорово!

Тао Сяодун только что поговорил по телефону с Тянь И, и теперь, глядя на радостное личико Тао Хуайнаня, ему стало немного не по себе.

— Дорогой, Тянь И скоро приедет, — сказал Тао Сяодун, глядя его по голове.

Тао Хуайнань кивнул и с улыбкой спросил:

— Он привезёт Дедушку Ши? Я по нему скучаю.

Тао Сяодун провёл рукой по его голове и шее, понимая, что некоторые слова действительно трудно произносить перед ребёнком. Многие вещи и для взрослых кажутся жестокими, что уж говорить о ребёнке, полном наивной доброты.

— Скучаешь по родителям? — спросил он.

Тао Хуайнань на мгновение замер, его улыбка ещё не успела исчезнуть, но он опустил голову и сказал:

— Скучаю.

— Я тоже скучаю, — сказал Тао Сяодун, глядя на него.

Братья были не слишком похожи друг на друга, при ближайшем рассмотрении Тао Сяодун больше походил на отца, а Тао Хуайнань — на маму.

Хотя Тао Хуайнань не мог понять всего, что скрывалось за словами брата, он всё же почувствовал эмоции, передаваемые интонацией.

— Пусть Дедушка Ши останется с родителями, хорошо? — Тао Сяодун присел на корточки перед ним, глядя прямо в глаза.

Тао Хуайнань быстро поднял голову, его рот приоткрылся, но он долго не мог произнести ни слова.

— Дедушка Ши уже очень стар, — тихо сказал Тао Сяодун.

— А... — Тао Хуайнань, то ли поняв, то ли нет, ответил лишь этим звуком и больше не двигался.

Чи Ку вышел из комнаты и сел рядом с Тао Хуайнанем. Тот беспомощно посмотрел в его сторону.

— Он тебя очень любит, но больше не сможет быть с тобой, — Тао Сяодун, глядя на большие, потерянные глаза Тао Хуайнаня, не мог продолжать.

Он погладил его по лицу и ушам, спросив:

— Мы сегодня попросимся с ним?

Тао Хуайнань положил руки на края дивана по бокам от ног и тихо спросил:

— А куда мы его отправим?..

На этот вопрос Тао Сяодун не смог ответить, да и не хотел.

Тао Хуайнань всё ещё сидел, опустив голову, медленно ковыряя край дивана. На его пальцах появились заусенцы, которые болели, когда он терся о ткань дивана. В конце концов он перестал ковырять и тихо, глухим голосом сказал:

— Но я... я не хочу его отправлять.

Дедушка Ши был с Тао Хуайнанем почти три года.

Ещё до смерти бабушки Тянь её зрение уже ухудшилось, и тогда Дедушка Ши часто хватал её за штанину, указывая направление, а также заранее убирал или отталкивал препятствия на пути.

Поэтому позже его отправили к Тао Хуайнаню, чтобы он сопровождал этого маленького слепого хозяина, что для него было привычным делом.

До прихода Чи Ку Тао Хуайнань больше всего был привязан к Дедушке Ши. Брат иногда был слишком занят, и не всегда был дома, и когда брата не было, только Дедушка Ши всегда оставался с ним.

Поэтому сейчас Тао Хуайнаню было очень трудно принять это. Тао Сяодун погладил его маленькую руку, лежащую на краю дивана, и, сидя на полу, сказал:

— И родители, и Дедушка Ши всегда с тобой, они не покинули тебя.

— Я не хочу такого присутствия, — нос и глаза Тао Хуайнаня покраснели, его губы дрогнули, и он изо всех сил старался сдержать слёзы. — ...Я хочу, чтобы они были со мной по-настоящему.

— Я с тобой, — Тао Сяодун взял его руку и поцеловал её. — Я никогда не покину тебя, и Чи Ку тоже с тобой.

Тао Сяодун говорил очень мягко, и его тёплый голос был для Тао Хуайнаня самым успокаивающим звуком.

Тао Хуайнань не знал, что ещё сказать, чтобы оставить Дедушку Ши. Ему было так жаль. Он поднял руку, чтобы потереть глаза, его нижняя губа дрожала, и в конце концов он прикусил её.

Тао Сяодун действительно пожалел, что когда-то принёс старого золотистого ретривера, и теперь Тао Хуайнань, будучи ещё таким маленьким, должен был столкнуться с потерей. Если бы он тогда принёс щенка, то к моменту расставания Тао Хуайнань уже вырос бы.

Жизнь питомца по сравнению с человеческой всё же слишком коротка.

Старый золотистый ретривер уже не мог двигаться, он лежал на боку на полу, рядом с ним стояла вода, но он уже не мог пить.

Когда дверь открылась, он, казалось, учуял запах своего маленького хозяина, и его живот начал быстрее подниматься и опускаться. Он открыл глаза и приоткрыл пасть. Тао Хуайнаня подвели к нему, чтобы он погладил его, и ретривер с трудом дышал под его ладонью, издавая тяжёлые хриплые звуки.

Тао Хуайнань погладил его по голове, и ретривер, как всегда, слегка прикусил его руку. Он взял его маленькую пухлую ручку в пасть, а затем схватил его рукав, слабо тряхнув головой.

Слёзы Тао Хуайнаня капали одна за другой, и он спросил:

— Ты не уходи, ладно?

Ретривер был уже слишком уставшим, он разжал зубы, и его голова медленно опустилась на пол. Золотистые ресницы дрожали, а живот прижимался к ноге Тао Хуайнаня.

Тао Хуайнань обнял его, прижав лицо к его шее, и слёзы продолжали капать, впитываясь в длинную золотистую шерсть.

— Ты ещё вернёшься, Дедушка Ши? — спросил Тао Хуайнань, обнимая его. — Снова будешь моей собакой.

Это был самый сильный плач Тао Хуайнаня с тех пор, как появился Чи Ку.

По сравнению с этим, все его предыдущие слёзы были пустяками.

Дыхание ретривера постепенно замедлялось, а затем и вовсе прекратилось.

Тао Хуайнань не отпускал его, сначала тихо всхлипывая. Потом Тао Сяодун и Тянь И подошли, чтобы поднять его. Тао Хуайнань начал кричать и плакать, его голос сорвался, когда брат насильно унёс его.

Тао Хуайнань никогда так не плакал, даже когда его отправляли в школу, и он был очень напуган, он просто сидел и молча вытирал слёзы. Но сейчас он рыдал, как обычный ребёнок, и Чи Ку видел это впервые.

Тао Сяодун всё время гладил его по голове, успокаивая.

Услышав, что Тянь И хочет увезти собаку, Тао Хуайнань снова начал отчаянно кричать. Тао Сяодун дал знак Тянь И подождать и, обняв Тао Хуайнаня, продолжал тихо говорить с ним.

Ребёнок был настолько погружён в свои эмоции, что уже не слышал, что ему говорят взрослые.

Тао Хуайнань плакал около часа, постепенно успокаиваясь на руках у брата. Он положил подбородок на плечо брата и хриплым голосом спросил:

— Не отправляй его, пусть останется дома, хорошо?

Тао Сяодун сначала промолчал, а когда Тао Хуайнань снова спросил, покачал головой:

— Нет, дорогой.

Тао Хуайнань прижал глаза к его плечу, и слёзы снова потекли.

— У него есть место, куда он должен отправиться, — поцеловал его Тао Сяодун. — Если ты не отпустишь его, он начнёт разлагаться, и в нём заведутся черви.

Тао Хуайнань замотал головой, не желая, чтобы брат продолжал.

Эти слова были слишком резкими для ребёнка, и Тянь И дотронулся до ноги Тао Сяодун, чтобы тот остановился.

Но Тао Сяодун продолжал:

— Я тоже хочу, чтобы он остался с тобой навсегда, но я не могу этого сделать. Если ты хочешь ещё одного питомца, я могу принести тебе другого, но сейчас мы должны принять это.

Он гладил волосы Тао Хуайнаня, мокрые от слёз, и говорил с ним.

Когда Тао Хуайнань немного успокоился, Тао Сяодун поставил его на ноги и велел попрощаться.

Тао Хуайнань погладил уже неподвижный живот Дедушки Ши, и слёзы снова беззвучно потекли, быстро скатываясь с глаз на подбородок.

Когда брат впервые привёл к нему золотистого ретривера, он сказал, что это будет его личный питомец, который будет играть с ним, когда никого нет. В сердце ребёнка всегда есть чувство принадлежности к своим вещам, особая близость, потому что это только его.

— Что же мне делать?.. — голос Тао Хуайнаня был таким хриплым, что слушать его было больно.

Он покачал рукой, потряс ретривера.

— У меня больше нет собаки...

Он с грустью звал «Дедушку Ши», маленький слепой мальчик, сидящий в отчаянии и одиночестве.

Чи Ку вдруг схватил его руку и положил её на своё колено.

Тао Хуайнань хотел продолжить гладить уже остывшего Дедушку Ши, но Чи Ку сказал:

— Теперь я твоя собака.

Тао Хуайнань моргнул, опустив голову:

— Ты же не собака... ты Чи Ку.

Чи Ку, на лице и теле которого ещё не сошли красные точки, сказал Тао Хуайнаню:

— Не плачь, я буду твоей собакой.